
Владимир Владимирович Напольских

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник топонимической лаборатории, Уральский федеральный университет (620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51); научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119606, Москва, пр. Вернадского, 82)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

К ИРАНСКОЙ ЭТИМОЛОГИИ ЭТНОНИМОВ МАРИ, МЕРЯ, МУРОМА

Аннотация

В статье продолжается рассмотрение реконструированного ранее автором и А. В. Савельевым этнонима **mārə*, отразившегося в самоназвании марийцев и в названиях летописных мери и мурома. В финно-угроведческой литературе его принято возводить к деривату арийского **mārya-* ‘юноша, воин’, однако в связи со сложившейся традицией конкретный арийский источник этого этнонима, время и обстоятельства заимствования не уточняются. Мар.-мер. **mārə* не может рассматриваться как этноним со значением ‘человек, мужчина’, поскольку подобная семантика выглядит анахронистично с точки зрения типологии этнической номинации. Это слово должно было быть заимствовано как соционим с дополнительной коннотацией ‘муж, супруг’ в язык-предок марийского и мерянского примерно в I тыс. до н. э. Ар. **mārya-* представляло собой специфический термин, обозначавший класс свободных (возможно, знатных) молодых людей, объединенных в воинские сообщества, в которых они должны были совершить необходимые подвиги для получения социального статуса, дающего право жениться (отсюда значения ‘жених, супруг’). В индоарийских (включая митаннийский арийский) языках основным стало значение ‘воин’ и ‘знатный юноша’. У иранцев возникли пейоративные значения (‘злодей; раб’) и сохранилось значение ‘муж, супруг’. Более вероятным источником — как по времени заимствования, так и исходя из семантики — является восточно-среднеиранский. Проблема слабой представленности ар. **mārya-* в восточноиранских языках — почти исключительно в значении ‘раб, слуга’ — снимается приводимой в статье этимологией осет. *bal* ‘группа, отряд, шайка, стая (волков)’ из алан. **mal-* < **mārya-*: предполагается заимствование в прамарийско-мерянский из языка скифо-сарматского круга в середине I тыс. до н. э. (до перехода **-ry-* > *-l-*). Более позднее тюркское название марийцев **čermiš* (чув. *šarmâš*, тат. *čirmäš* > рус. черемис) < тюрк. **čär* ‘воевать, сражаться’ может быть калькой этого старого этнонима.

Ключевые слова: этнонимия; меря; мари; мурома; арийские заимствования в финно-угорских языках; марийский язык; арийские языки; иранские языки; осетинский язык

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00439 «Ономастикон и лингвокультурная история Европейской России», <https://rscf.ru/project/23-18-00439/>

© Напольских В. В., 2024

Для цитирования

Напольских В. В. К иранской этимологии этнонимов *мари*, *меря*, *мурома* // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21, № 1. С. 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001

Рукопись поступила в редакцию 25.12.2023

Рукопись принята к печати 29.02.2024

Vladimir Vladimirovich NAPOLSKIKH

DrHab, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow, Toponymic Laboratory, Ural Federal University (51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia); Leading Research Fellow, School of Contemporary Humanities Studies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (82, Vernadsky Ave., 119606 Moscow, Russia)

E-mail: vovia.nap@ya.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1549-9639>

**TO THE IRANIAN ETYMOLOGY OF THE ETHNONYMS
MARI, *MERYA*, *MUROMA***

Abstract

The article continues the exploration of the ethnonym **mārə*, previously reconstructed by the author and A. V. Savelyev, as evidenced in the self-designation of the Mari people and in the names of Merya and Muroma found in Russian chronicles. In Finno-Ugric literature, it is commonly sub-derived from the Aryan **mārya-* meaning ‘young man, warrior.’ However, within the current framework, the specific Aryan origin of this ethnonym, along with the time and circumstances of its adoption, remains unspecified. The Mari-Meryan **mārə* cannot be construed as an ethnonym meaning ‘human, man,’ as such semantics would be anachronistic in terms of ethnic designation typology. Instead, it is proposed that this word was borrowed as a socionym with the additional connotation of ‘husband’ into the ancestral language of Mari and Meryan around the first millennium BC. The Aryan **mārya-* denoted a class of free (possibly noble) young men forming military communities, where they undertook feats to attain a social status entitling them to acquire a wife, hence the meaning ‘groom, husband’. Indo-Aryan (including Mitanni Aryan) languages predominantly associated it with ‘warrior’ and ‘noble youth,’ while Iranian languages developed pejorative meanings (‘rascal; slave’) but retained the meaning ‘husband’. An Eastern Middle Iranian language is deemed a more plausible source for borrowing, both temporally and semantically. The etymology suggested in the article resolves the issue of the limited representation of Aryan **mārya-* primarily as ‘slave, servant’ in Eastern Iranian languages. The proposed derivation links Ossetian *bal* ‘group, squad, gang, pack (of wolves)’ < Alanian **mal* < **mārya-*; likely borrowed into Proto-Marian-Meryan from a Scytho-Sarmatian language around the middle of the first millennium BC (prior to the transition **-ry- > -l-*). The subsequent Turkic designation of the Mari as **čermiš* (Chuvash *šarmăš*, Tatar *čirmăš* > Russian *cheremis*) < Turkic **čār* ‘to fight, to wage war’ may be a calque of this ancient ethnonym.

Keywords: ethnonymy; *Merya*; *Mari*; *Muroma*; Aryan loanwords in Finno-Ugric languages; Mari language; Aryan languages; Iranian languages; Ossetian language

Acknowledgements

The grant of the Russian Scientific Foundation No. 23-18-00439 *Onomasticon and Linguocultural History of the European Russia* (<https://rscf.ru/en/project/23-18-00439/>) is gratefully acknowledged.

For citation

Napolskikh, V. V. (2024). To the Iranian Etymology of the Ethnonyms *Mari, Merya, Muroma*. *Voprosy onomastiki*, 21(1), 9–26. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2024.21.1.001

Received on 25 December 2023

Accepted on 29 February 2024

В статье, продолжением которой является данная работа [Напольских, Савельев 2023], было показано, что самоназвание мариЙцев мар. **märə* (> г. *marə*, л. *mari(j)*) вместе с этнонимами *меря* (< **märə*) и *мурома* (< **mürə* / **murə*)¹ восходит к единой праформе **märə*, что, помимо вытекающей из анализа субстратной топонимии гипотезы о близком родстве языков этих групп, свидетельствует об их этнической близости и общности их происхождения. Уже более ста лет самоназвание мариЙцев рассматривается как заимствование из какого-то рефлекса ар. **mārya*- ‘юноша, молодой воин’ [Munkácsi 1901: 456; Joki 1973: 280], и, по-видимому, этот же источник можно предполагать и для более древнего мариЙско-мерянского **märə*².

К сожалению, в финно-угроведении сложилась не очень приятная традиция, когда арийские заимствования в финно-угорских языках рассматриваются без попыток уточнения конкретного языка-источника, как если бы язык южных соседей финно-угров в степях и лесостепях от Оби до Дона был всегда един — и вполне достаточно определить его, например, как иранский. Естественно, для древнейших этапов контакта это в известной мере оправданно (в силу отсутствия источников), но начиная по крайней мере со скифского времени возможность выбора между историческими иранскими идиомами, так или иначе нам известными, уже появляется (см., например, острую дискуссию о скифском языке [Витчак 1992; Иванчик 2009; Кулланда 2011]).

К ранним работам [Штакельберг 1893; Munkácsi 1901] этот упрек отнести не приходится, да и их авторы в вопросах поисков арийского прототипа финно-угорского слова отталкивались скорее от примеров из конкретных

¹Мы с А. В. Савельевым считаем, что в *меря* и *мурома* отражены самоназвания соответствующих групп (аргументы были изложены в указанной статье), однако при отсутствии прямых свидетельств имеет, видимо, смысл проявить осторожность в формулировке.

²В связи с надежной реконструкцией вокализма с **ä* в рассматриваемом этнониме снимается проблема несоответствия ар. **a* ~ мар. *a* (эта фонема является в мариЙском поздним явлением), вызывавшая сомнения финно-угроведов [см.: Joki 1973: 280; Holopainen 2019: 135–136] по поводу этимологии от ар. **mārya*-.

арийских языков — в силу хотя бы недостаточно продвинутой финно-угорской и арийской реконструкции. Первые попытки уточнения арийского источника были проделаны в [Jacobsohn 1922], где было задано основное направление такого рода разработок в финно-угроведении: определение относительной хронологической стадии языка-источника того или иного финно-угорского корня от праиндо-иранского до аланского (древнеосетинского). Окончательное выражение данный подход приобретает в обобщающей монографии А. Йоки [Joki 1973] и в ригористическом компендиуме К. Редей [Rédei 1986]. Предполагалось, что арийско-финно-угорские (или даже индоевропейско-уральские) контакты происходили более или менее непрерывно в ходе плавной эволюции языка южных соседей финно-угров по линии: праиндоевропейский — ранний праарийский (*Frühurarische*, до общеарийского перехода $*e, *o > *a$) — праарийский — ранний праиранский (*Frühuriranische*, до общеиранского перехода $*s > *h, *ś > *s$) — праиранский (*Uriranische*) — древнеиранский — среднеиранский (под последним мог имплицитно подразумеваться аланский / древнеосетинский). Считалось достаточным продемонстрировать возможность отнесения арийского этимона к одной из этих стадий, проиллюстрировав это примером из соответствующего древнего языка или реконструкцией. Отказ от попыток конкретизации языка-источника сослужил плохую службу, поскольку искусственное построение привело самих его создателей к оперированию вымышленными сущностями. С самого начала было ясно, что такая схема непрерывных арийско-финно-угорских контактов не соответствует материалу: прежде всего, отсутствует возможность говорить о праиндоевропейских заимствованиях (их, по всей вероятности, просто нет) и о «раннем праиранском» с сохранявшимися $*s$ и $*ś$ — очевидно, что контактирующие с финно-угорскими арийские идиомы на этой ранней стадии принадлежали к индоарийской, а не к иранской группе [см. подробнее: Напольских 2018а: 122–138]. Кроме того, отсутствие привязки арийских этимонов к конкретным языкам искажало историческую картину и по сути лишало выводы эвристической ценности: предлагаемая реконструкция выглядела примерно так, как если бы слова, восходящие к латыни в русском языке, этимологизировались бы не как попавшие в русский через французский, немецкий, польский, английский и другие языки, а только аттестовались бы как соответствующие периоду золотой латыни, романскому праязыку, старофранцузскому и современному французскому языку. Понятно, что культурно-исторические импликации такого анализа, мягко говоря, не совсем точно отражали бы и реальную историю внешних контактов русского языка, и его внутреннюю эволюцию.

Сохранение обозначенной тенденции и сегодня не дает возможности уточнить реальную историю арийско-финно-угорских контактов. Более того,

в связи с отказом от конкретизации языка-источника ситуация становится даже хуже: если в ранних работах (см. выше), в силу, может быть, неизбежной наивности их авторов, хотя бы рассматривались ближайшие аналоги в исторически известных языках (А. Йоки во многих случаях даже учитывает эти данные), то в новейших исследованиях такие попытки практически незаметны. Так, изданная посмертно диссертация Х. Катца [Katz 2003], несмотря на изощренную этимологическую эквилибристику автора, в плане исторических выводов не дает практически ничего, поскольку 90 % всех рассматриваемых им заимствований интерпретируются как «ранние праарийские» (*frühuraische*)³. Недавняя диссертация С. Холопайнена [Holopainen 2019] следует в целом схеме А. Йоки и К. Редери, несмотря на тщательную критическую проработку материала с учетом современных тенденций в финно-угроведении, не меняет ситуацию: результат анализа формулируется автором в виде «индо-иранское заимствование» (*an Indo-Iranian loanword / an Indo-Iranian etymology*) или «не индо-иранское заимствование» (*not an Indo-Iranian loanword / not an Indo-Iranian etymology*).

Согласившись с ведущими финно-угроведами в том, что *мар.-мер. *mära* — «an Indo-Iranian loanword» [Joki 1973: 280; Katz 2003: 123–124⁴; Holopainen 2019: 135–137], но имея в виду, что для понимания генезиса этого этнонима и для реконструкции марийско-мерянской предыстории принципиально важным является вопрос о времени (и по возможности — о месте и о причинах) этого заимствования, т. е. в первую очередь — о конкретном арийском языке-источнике, попытаемся рассмотреть перспективы такой конкретизации.

Б. Мункачи предполагал в ар. **mārya-* основное значение ‘человек, мужчина’ и рассматривал его превращение в марийское самоназвание в ряду других этнонимов с таким значением как пример архаичной этнической номинации [Munkácsi 1901: 456]. Идея поддерживается в [Holopainen 2019: 135]: «для этнонимов не является необычным развитие из слов со значением

³ На самом деле эта мнимая «революция» в трактовке арийско-финно-угорских контактов объясняется не новыми материалами, а именно использованием изощренной этимологической техники, доводимой в работе почти до фонетического уровня: чем древнее предполагаемое заимствование, тем больше возможности оторваться от реальных языков и играть в бисер реконструируемых сущностей. Результат, однако, оказывается противоположным приложенным усилиям и ожиданиям: большинство вновь предлагаемых Х. Катцем этимологий неприемлемы.

⁴ Х. Катц, правда, полагал, что «финно-пермское» (! — В. Н.) **mērijä*, откуда происходят названия *мари* и *меря*, восходит к «раннему праарийскому» **mértj-* (> **mártija-* > др.-инд. *mārtiya-* ‘человек, смертный’ и др.), а приписываемая им Э.-Н. Сетяле и М. Фасмеру этимология от ар. **mārya-* «семантически, очевидно, слабее» [Katz 2003: 123–124]. Однако, в свете описываемой здесь финно-угроведческой исследовательской традиции эти разночтения не принципиальны.

‘человек’». Однако именно данный тезис едва ли может быть принят, так как, во-первых, значение ‘человек’ для этого слова ни в марийском, ни в арийских языках не только не является основным, но практически не зафиксировано (см. ниже), во-вторых, предполагать здесь именование по модели «человек, люди» в противопоставление «не-людям» другой этнической принадлежности невозможно, поскольку такая модель характерна для архаичных первобытных сообществ, которыми ни арии, ни общие предки марийцев и мери к моменту заимствования или сложения данного этнонима уже, безусловно, не принадлежали.

Элемент ‘человек’ — например, в этнонимах уральских народов — может использоваться, но всегда с уточняющим прилагательным, ср. коми *komi mort* *‘камский (?)⁵ человек; коми’, удм. *udmurt* *‘окраинный человек’ [Белых, Напольских 1994] или различные самоназвания селькупских групп [SölkW: 213, 219–220, 346; Хелимский 2005]. Этноним *мордва*, восходящий к какому-то деривату ар. **mṛtá-* ‘смертный, человек’ (> перс. *mard* ‘мужчина, человек’ и др.), имеет особое происхождение и не является и никогда не был самоназванием [Напольских 2018б: 13–20]⁶. Самоназвание карел-людигов и части вепсов **l’üüdi-* происходит от рус. *люди*, которое в средневековом русском употреблении обозначало прежде всего свободных простых людей, крестьян — в отличие от князей, бояр и пр. [Срезневский 2: 91–93], следовательно, перед нами социальный термин, а не просто слово со значением ‘человек, люди’ (то же верно в отношении *Deutsch* < **teutā* ‘(свободный вооруженный) народ’ [Kluge 2002: 193–194] и многих других подобных случаев). Приводимая начиная с Б. Мункачи [Munkácsi 1901: 454] в финно-угроведческой литературе этимология праугорского самоназвания **mańcz* (> венг. *magy-ar*, манс. *māńši*, хант. *mańt’* и т. д.) якобы от ар. **mánuš* ‘человек’ [UEW: 866–867; Katz 2003: 124] вызывает небезосновательные сомнения (см. неожиданно в [Holopainen 2019: 134–135]). Во-первых, она фонетически несостоятельна: ар. *-š (др.-инд. -ṣ)

⁵ Этимология Т. Утилы, вновь обоснована в [Напольских 2018а: 94–95]. Если даже придерживаться старой этимологии *komi* от ПУ **komz* ‘человек’, семантика самоназвания коми на прапермском уровне может реконструироваться не как ‘человек — человек’, а как ‘сородич — человек’, ср. удм. *kumj* в *vižj-kumj* ‘родственники’ (обычно именно в обобщающем значении): здесь весь композит построен аналогично удм. *čijj-vižj* ‘родственники (по матери и по отцу)’, где *čijj*, очевидно, — родственники по матери (ср. удм. *čuzmurt* ‘дядя по матери’, коми *čužnĭ* ‘родиться’), а *vižj* букв. ‘корень’ — ‘родственники по роду, по отцу’. Поэтому *kumj* в *vižj-kumj* обозначает скорее не человека вообще, а какую-то категорию родственников, вероятно, родственников по браку, поскольку можно допустить заимствование из рус. *кум, кума*. Таким образом, основания для реконструкции **komz* ‘человек’ в пермском праязыке практически ничтожны.

⁶ Мы предполагаем посвятить происхождению слова *мордва* специальную статью для одного из ближайших номеров «Вопросов ономастики».

в данном слове — результат сандхи из **manus*, и у нас нет оснований выводить заимствование именно из фонетического варианта с **-š*, но, даже если такие чудеса предполагать, совершенно непонятно, как ар. **-niš* могло дать ПУГ **-ńć-*. Во-вторых, она не годится как пример возникновения этнонима из слова со значением ‘человек’: ар. **manus* на самом деле было именем прародителя рода человеческого, *Ману*, и Б. Мункачи, в отличие от позднейших компиляторов, был абсолютно прав, предлагая для **mańćz* арийский источник, близкий к др.-инд. *manija-* с изначальным значением ‘рожденный от Ману’ [Munkácsi 1901: 454; KEWAI 2: 575–576]. Таким образом, если арийский этимон здесь и был, он имел бы гораздо более сложную семантику, чем просто ‘человек’.

Даже среди народов Сибири, для которых характерен в целом более архаичный социальный уклад, чем для земледельцев Восточной Европы, самоназвания типа ‘человек’ крайне редки и неочевидны. Современное официальное название и, может быть, самоназвание кетов — результат советских преобразований на Севере и соответствующей смены этнической номенклатуры, причем довольно странный, поскольку кет. *ket* ‘человек’ имеет супплетивное множественное число *d'eŋ*, и в качестве обозначения сообщества скорее должно было бы употребляться второе слово; при этом в досоветское время в качестве аутоэтнонима сами кеты на своем языке использовали слово *ostik* < рус. *остяк* [Ket: 36, 57, 78]⁷. В какой-то мере можно говорить о старом самоназвании ‘человек, мужчина’ у северных самодийцев (нен. *ńenēć²*, эн. *eńće²*, нган. *ŋanása* [JuSamW: 318; EnzW: 74; NganW: 168]), однако и здесь необходимы оговорки: «в отношении самих себя северные самодийцы используют данные слова по большей части в сочетании с определением ‘настоящий’ < нен. *ńenāi ńenēć²*> (таким образом, буквальный смысл этнонима — ‘настоящий, подлинный человек’)», кроме того, «фигурирующие в данных этнонимах определение и определяемое слово находятся, по всей вероятности, в этимологической связи», — т. е. и этимологически данный этноним означал скорее не собственно ‘человек’, а ‘настоящий, подлинный (человек)’ [Хайду 1985: 125]. Необходимо еще иметь в виду, что более распространенным самоназванием нганасан традиционно было слово *ńa* ‘друг, товарищ’ [NganW: 160] и обычно у северных самодийцев этническая самоидентификация была связана не с упомянутыми словами, а с родовыми названиями.

Самоназвание *mari* не требует никакого прилагательного, случаи мар. г. *kârâk marâ* ‘горные мари’, л. *olâk mari* ‘луговые мари’ [TscherW: 296,

⁷ Это самоназвание в кетском языке (а не в официальной русской речи) остается в употреблении и сегодня. Например, в «Википедии» «самоназвание» кетского языка совершенно правильно дано как *остыганна ɟa* [Кетский язык].

372–373, 450] применяются только для обозначения частей народа и представляют собой несомненные поздние кальки с русских терминов для западного высокого, *горного* и восточного низкого, *лугового* берегов Волги и их населения (отсюда рус. *луговые люди* для обозначения населения левобережья Волги и т. п.). Значений ‘человек’ (мар. *jeŋ, aŋdeme* [TscherW: 5, 177]) или ‘мужчина’ (мар. *pörjeŋ* [Там же: 539]) это слово не имеет; в текстах типа *ik mari kajen čodraš ri ruaš* «один мужик пошел в лес дрова рубить» [Там же: 372] имеется в виду не мужик вообще, а именно мариец. Этнонимическое значение лексемы ясно проявляется в словосочетаниях *mari kalâk* ‘марийский народ’, *mari / marla jêlme* ‘марийский язык’. Для понимания истоков этнонима принципиально важно, что этим же словом (уже с необходимыми прилагательными) мариЙцы называют два самых близких себе по культуре и языку народа: чувашей (л. *suasla mari* букв. ‘татарский / татароподобный мари’, г. *suas marâ* ‘татарский мари’ [Там же: 640–641]) и удмуртов (*одо-мари* ‘одо-мари’ [Там же: 440], где *одо-* < **od-* в *udmurt*), при этом чувашей без слова *mari*, видимо, никогда не называют, а удмуртов, отношения с которыми не столь близки, могли называть и просто *одо*. Очевидно, объяснение этому словоупотреблению следует искать в истории слова, которое могло обозначать не этническую или не только этническую, но и социально-политическую или культурную группу.

Для понимания происхождения самоназвания мариЙцев важно второе значение слова *mari* ‘муж, супруг’ (ср. также *marian batâ* ‘замужняя женщина’, *maritême batâ* ‘вдова’) [TscherW: 372–373]. Похожее развитие, когда одно слово может служить и как аутоэтноним, и для обозначения понятия ‘муж, супруг’, мне известно только для нен. *χāsafa*, которое у восточных ненцев может употребляться как самоназвание, но обычно имеет значение ‘мужчина; муж’ и восходит к ПСам **kââsâ* ‘человек, мужчина’ (< (?) *‘смертный’) [JuSamW: 173; SamW: 61; Хайду 1985: 125]. Однако аналогия неполная, поскольку *χāsafa* — все-таки не основное самоназвание ненцев (см. о сложностях в связи с этим выше), а мар. *mari* не имеет значения ‘человек, мужчина’.

Таким образом, для мар.-мер. **mārē* и его предполагаемого арийского этимона следует предполагать, во-первых, дополнительное значение, обеспечившее развитие в ‘муж, супруг’ в марийском, во-вторых, возможность обозначения этим словом какой-то социальной (политической, религиозной, сословной?) группы, откуда позднее развилось собственно этнонимическое значение. Время возможного проникновения этого слова к предкам мариЙцев и мери, опираясь на данные этих языков, оценить сложно, поскольку о мерянских языках информации у нас недостаточно, но, исходя из его домариЙских истоков, с одной стороны, и из отсутствия параллелей за пределами мариЙско-мерянской группы — с другой, очень осторожно можно говорить

о I тыс. до н. э. и рубеже эр, т. е. более вероятно относительно позднее заимствование из среднеиранского источника, возможно — из аланского. Район контакта с этим языком-источником вряд ли мог отстоять далеко от Среднего Поволжья.

Арийское **márya-* в индоарийском отражено в др.-инд. *márya-* [KEWAI 2: 596–597]. Это слово встречается в Ригведе в описаниях Индры, Агни, Марутов как эпитет, означающий прекрасного юношу, молодого человека с красивым или украшенным телом, который может характеризоваться как воинственный (РВ III, 31:7), стремящийся к победе в соревновании колесничих (РВ VIII, 43:25), и главным его свойством является сексуальная активность и привлекательность: «молодой мужчина, мыслью стремящийся к женщине» (РВ IV, 20:5), молодой человек, которому готова уступить, отдаться девушка (РВ III, 33:10). Дважды появляется интересный контекст: «юноша в своем доме» (РВ I, 91:13), «молодой мужчина, у которого есть жилье» (РВ IX, 97:18), что, возможно, отражает определенный социальный статус такого юноши. Именно эти смыслы, видимо, стоят за словарной дефиницией ‘жених’. Один раз встречается суффиксированная форма *maryaká-*, означающая быка, возглавлявшего стадо коров (РВ V, 2:5); вообще тема быка с коровами и жеребца постоянно присутствует в сравнениях с *márya-*.

Др.-инд. *márya-* нельзя рассматривать в отрыве от митан.-ар.⁸ *marjannu* (-*nni* здесь хурритский суффикс), обозначавшего знатя государства Митанни, военную элиту, воинов-колесничих, с которыми связывают происхождение индоарийских элементов в митаннийских памятниках и, видимо, происхождение правящей династии Митанни (с XVI в. до н. э.), цари которой носили индоарийские имена и клялись в договорах с Египтом именами индоарийских богов [Mayrhofer 1966: 16–17, 28–29] (интересно еще значение ‘молодой воин’, которое, видимо, следует из текстов [HethitW: 322, 422]). Термин *marjannu* как обозначение соответствующего воинского сословия проникает из Митанни на юг и появляется также в текстах из Сиро-Палестинского региона второй половины II тыс. до н. э. (именно с этими воинскими группами можно

⁸ Я полностью принимаю обоснованный М. Майрхофером вывод о раннеиндоарийском характере митаннийского арийского языка [Mayrhofer 1966: 18–24]. Нет никаких оснований считать язык митаннийских ариев праарийским, иранским на любой стадии или каким-то особым (неиранским, неиндоарийским и ненуристанским) арийским языком. Например, сопоставление митан.-ар. *yašanna-* ‘стадион, манеж’ с иранскими формами типа согд. *wzn* в противоположность др.-инд. *váhana-* [Гамкрелидзе, Иванов 2: 547] не может служить аргументом против Майрхофера, поскольку *yašanna-* отражает, конечно, не ригведическую форму *váhana-*, а раннюю индоарийскую **yažhana-* < ПИЕ **yeǵh-* [KEWAI 3: 179]; примерно ту же стадию развития раннего праиндоарийского можно видеть, например, в ПФУ **śasra* ‘тысяча’ < ранний индоар. **(sa)śhasra-* ‘(одна) тысяча’ (< ПИЕ **sm-ǵheslo-* > др.-инд. *sahásra-* ~ ав. *hazanrəm*) и др. [Напольских 2018a: 135].

связывать распространение в Палестине боевых колесниц, запряженных лошадьми в середине II тыс. до н. э.) и в египетских источниках (𓆎𓅓𓏏𓏏𓆎 *mḥrꜥnꜥ* в сообщениях о сирийских походах Тутмоса III и Аменхотепа II, XV — начало XIV в. до н. э.; вплоть до описания борьбы с ливийцами и «народами моря» Мернептаха, конец XIII в. до н. э. — в последнем случае *marjannu* были, скорее всего, уже наемниками, но египтяне всегда отмечали захват *marjannu* как особенно ценных пленников). Таким образом, первоначально *marjannu* представляли собой социальную группу индоарийского происхождения (в их состав и в Митанни, и тем более в Палестине и в Египте, входили уже не обязательно индоарии, но происхождение термина и наличие индоариев среди *marjannu* не подлежат сомнению). Сам этот термин обозначал профессиональных воинов-колесничих высокого социального статуса (типологически близкого, видимо, к римским всадникам), которые составляли элиту в государствах Передней Азии в середине — второй половине II тыс. до н. э., возможно, получали за свою службу от царя землю и оружие, а позднее выступали уже как наемники [O'Callaghan 1951; Abbas 2013].

Таким образом, для индоарийского можно восстанавливать **márya-* ‘(молодой) знатный воин, принадлежащий к элитному воинскому сословию; символ мужественности, неотразимый красавец, (завидный) жених’.

Более разнообразные рефлексы дает иран. **márja-*, которое развилось в двух значениях. С одной стороны, в иранских языках имеем ав. *ma'rya-* ‘коварный, обманщик, плут, предатель, негодяй’ [Bartholomae 1904: 1151–1153], откуда ср.-перс. *mar-* ‘злодей, преступник’, *marak* ‘негодяй, подлец’, — все эти отрицательные значения объясняются применением термина в зороастрийских текстах начиная с Авесты к противникам зороастризма, дэвовским созданиям [ЭСИрЯ 5: 217], что, очевидно, связано с воинственностью арийских **márya-*, их противоположностью идее зороастрийского Священного Мира.

С другой стороны, в иранских языках имеются формы с той же суффиксацией *-ka*, что и в ср.-перс. *marak*, но, по-видимому, восходящие не к авестийской, а к другой, возможно, собственно персидской линии развития: др.-перс. *marīka* ‘подданный, человек из свиты’, ср.-перс. *mērak* ‘молодой человек, член (воинского) сообщества; любовник, жених, супруг’, перс. *merag* ‘молодой человек, супруг’. Особенно интересны для нас поздние формы в диалектах Центрального Ирана: *mera*, *mere* и т. п. ‘муж’ [ЭСИрЯ 5: 217; KEWA1 2: 597]. Поскольку предполагать в марийско-мерянском прямое персидское заимствование сложно, эти данные могут быть нам полезны только в плане реконструкции семантики иранских дериватов ар. **márya-*. В восточноиранских языках, откуда слово могло попасть к финно-уграм, этот термин зафиксирован, кажется, только в бактрийском: *μαριγγο* (< **márjaka*) ‘раб, слуга’,

в афганском: *mrayá* ‘раб’ и (если язык ормури считать восточноиранским) в ормури: *mrik, mrig* ‘слуга’ [ЭСИрЯ 5: 217; KEWAI 2: 597]. Неясным остается статус кховар *maristan* ‘раб’ (< **marya-sthana* ‘(находящийся) в положении *marya*’) [KEWAI 2: 597]: если это не заимствование, например, из афганского, дардские данные могут быть важны для праарийской реконструкции. Очевидно, в бактрийско-афганском ареале произошло довольно тривиальное развитие ‘юноша’ → ‘слуга’ → ‘раб’, отражающее, возможно, ту же пейоративную семантику, что и ав. *ma’rya-*.

В целом ар. **márya-*, видимо, было довольно специфическим термином, обозначавшим возрастную класс свободных (возможно, знатных), прежде всего (хотя и необязательно) молодых людей, объединенных в воинские сообщества, в которых они должны были совершить необходимые подвиги для получения (подтверждения) социального статуса, дающего право жениться, откуда наряду с прочими значение ‘жених, супруг’ у дериватов этой основы [ЭСИрЯ 5: 217]. Вероятно, такие объединения в арийском обществе представляли собой аналог молодежных воинских союзов в социумах, находящихся на аналогичной стадии становления политарных отношений («военная демократия»); хорошо известны подобные воинские общества, например, у индейцев прерий и т. д. В митаннийском арийском на первое место в семантике этого слова вышло значение ‘воин’ — в силу специфики положения ранних индоариев в государствах Передней Азии как лучших (первых) воинов-колесничих, военно-политической элиты. В древнеиндийском обществе с его формирующейся системой наследственных сословий развитие семантики пошло в направлении ‘знатный юноша, завидный жених’. У иранцев можно предполагать скорее негативное отношение к молодежным воинским союзам — как к беспокойным и неудобным для управления сообществам (ср. взаимоотношения вождей и старейшин с молодыми лидерами воинских союзов у индейцев прерий: противостояние Красного Облака и Бешеного Коня у лакота, Черного Котла и Римского Носа у шайенов и т. п.), откуда дэвовская коннотация в авестийской традиции и пейоративное развитие семантики в бактрийском и афганском. Учитывая такие различия в семантике, в качестве конкретного деривата ар. **márya-*, заимствованного в мариийско-мерянский, можно предполагать скорее не индоарийский (там **márya-* применялось исключительно к «своим», причем стоящим явно достаточно высоко на социальной лестнице), а иранский источник, который (при сохранении старой коннотации ‘жених ~ муж’) мог быть использован по отношению к враждебному воинственному населению, не подчинявшемуся сколько-нибудь организованным (по крайней мере, в глазах иранцев) политиям. Иранское (среднеиранское или аланское) происхождение этнонима,

как мы предположили выше, является предпочтительным и с точки зрения возможной хронологии заимствования.

Однако слабая представленность корня в восточноиранских языках и, соответственно, отсутствие прямых параллелей в языках скифо-сарматского круга, откуда можно было бы ожидать позднее заимствование в марийско-мерянский, остается проблемой. Былое существование искомого слова в аланском, как полагали, может косвенно документироваться материалом кавказских языков: чеч., ингуш., бабб. *mar* (основа *māre-*) ‘муж’, в котором видели аланское заимствование [Joki 1973: 280]. Этот пример можно еще дополнить не приводимым в финно-угроведческой литературе сван. *māre* ‘мужчина, человек’ [СКавЯ: 40, 59]. Распространение слова в нахских и сванском языках — довольно типичная картина для аланизма, но отсутствие осетинской параллели все-таки значимо. Дело осложняется еще и тем, что нахск. **mār* ‘муж’ имеет параллели в даргинском (**marga* ‘самец’) и лезгинских языках (**morλ:il* ‘мужчина, самец, храбрец’: таб. *turgu-ž'i* ‘герой, храбрец’, арч. *meļle* и др.) и может, таким образом, быть возведено к гипотетическому пранахско-дагестанскому **mōrLV* ‘самец, мужчина’ [NCED: 830–831], и, следовательно, реконструкция аланского слова не имеет оснований (сван. *māre* в таком случае может быть заимствованием из нахского). Более того, выдвигалось предположение о севернокавказском происхождении и хурр. **mari-* в **marjannu* — ср. урарт. *marə* ‘одна из социальных групп’ и ПВостК **mōrLV* ‘самец, мужчина’ с таким комментарием: «соответствия регулярны <...> обычно возводится к индоиранскому **marya* ‘юноша’, однако слово является общехурритоурартским, а для этого периода трудно предполагать индоиранские заимствования» [Дьяконов, Старостин 1988: 173] (та же аргументация повторена в [NCED: 831]). Понятно, что речь идет не о «регулярных соответствиях» между хурритским и урартским, а о полном совпадении основ, что скорее указывает именно на заимствование, а не на праязыковую этимологию (сохранение важного хурритского социального термина в урартском неудивительно), поэтому версию о хуррито-урартском происхождении **marjannu*, конечно, всерьез принимать нельзя (см. еще обоснованные и достаточные возражения в [Wilhelm 2019: 419]). Как бы ни решать проблему ПВостК **mōrLV* (не исключая, что его источником может быть заимствованное через хурритский и урартский митан.-ар. **mārya-*), в свете этих данных реконструкция аланского прототипа для мар.-мер. *mārə* на основе данных севернокавказских языков остается весьма проблематичной.

Тем не менее осетинскую параллель к искомому арийскому этиму можно предложить: осет. *bal* ‘группа, отряд, шайка, стая’: «важный термин староосетинского быта, восходящий к периоду военной демократии. Так называлась дружина или партия, отправлявшаяся в совместное военное предприятие.

Вожак такой партии назывался *balxon* <букв. ‘созывающий *bal*’>, каждый из участников — *æmbal*, а все предприятие — *balc*. Из животных термин *bal* применяется, насколько можно судить, преимущественно к волкам» [ИЭСОЯ 1: 233]. В. И. Абаев возводил это слово к реконструируемому им **bārya-* ‘конная военная партия’ — от несохранившегося в осетинском глагола **bār-* ‘ехать верхом’ (~ ав. *bar* ‘нести, везти’ и др. → ‘ехать верхом’), отраженного в осет. *baræg* ‘всадник’ (собственно, ‘несомый’: ягноб. *vōra* ‘всадник’ и др.) [Там же: 232–233, 236–237; ЭСИРЯ 2: 102]. Возможную связь осет. *bal* с иран. **bala* / **bara* ‘сила, сильный’ (~ др.-инд. *bāla-* ‘сила, мощь’) В. И. Абаев отвергал, поскольку осет. *-l-* < **-ry-* [ИЭСОЯ 1: 233], а Дж. И. Эдельман считает, видимо, предпочтительной по сравнению с этимологией от **bār-* ‘ехать верхом’: *bal* «может быть рефлексом **barja-* (сравн. ст.) с растяжением корневой гласной» [ЭСИРЯ 2: 66–67, 102]. Думаю, что сложное значение осет. *bal* трудно вывести как из ‘группа всадников’ (кроме трудностей семантики, важно, что для передачи значения ‘всадник’ в *baræg* необходим суффикс *-æg*), так и из ‘сильный’ (этой этимологии мешает и слабая представленность данного корня в иранских языках). Зато в семантику ар. **mārya-* осетинский термин укладывается блестяще — вплоть до применения его к стае волков (ср. также волчий символизм в воинских традициях индейцев прерий). Фонетически *bal* может происходить из **mārya-*: *-l-* закономерно восходит к **-ry-*, о «растяжении корневой гласной» см. выше. Следовательно, иран. **mārya-* может закономерно дать алан. (*resp.* осет.) **mal*. Некоторую проблему представляет переход **m-* > *b-*, но такой «перебой» встречается в осетинском: например, в имени персонажа нартковского эпоса *Balsæg* < ингуш. *malχ-sag* ‘солнце-человек’, *bæræg* ‘заметный’ < иран. **maraka* и др. [ИЭСОЯ 1: 234, 250–251]. Дополнительной причиной фонетического перехода в данном случае может быть образованное от *bal* частотное и важное в осетинском языке слово *æmbal* ‘товарищ, спутник’ < *æm-* (< иран. **ham-* — префикс со значением совместности) + *bal*, т. е. изначально ‘товарищ по походному сообществу’ (ср. рус. *соратник*) [Там же: 135], если предполагать диссимиляцию *æmbal* < **am-mal*. Это слово как антропоним встречается уже в Зеленчукской надписи (Пакаθ[α]ρ форт Ανταλαν, X в.) и в рус. *Анбаль* — имя ясына, слуги Андрея Боголюбского (конец XII в.) [Там же].

Таким образом, можно реконструировать доосетинское **mārya-* ‘воинский отряд’ (возможно, с характерной для иранских языков пейоративной коннотацией ‘шайка, стая’) > алан. **mal-* > осет. *bal*. Переход *-ry-* > *-l-* в скифо-сарматских диалектах, по наблюдениям В. И. Абаева, имел место после V в. до н. э. [Абаев 1949: 214]. По-видимому, именно в середине I тыс. до н. э. словом **mārya-* (сохранявшим, вероятно, еще и древнее значение ‘жених,

муж' — см. выше) носители восточноиранских языков в Поволжье — языковые предки осетин — называли своих северных соседей, предков марийцев и мери, которые заимствовали этот термин, ставший их самоназванием. Использование такого специфического термина в качестве этнонима свидетельствует об особых, вероятно не самых мирных, отношениях между иранцами и марийско-мерянскими группами в Поволжье. Можно предполагать, что и в дальнейшей своей истории марийцы оставались достаточно активными в военном отношении: во всяком случае, более чем через тысячу лет пришедшие на Волгу турки стали называть население марийского Поволжья (прежде всего, самих марийцев) термином **čermiš* 'исполчившийся, воинственный' (*Ц-р-мис* в письме хазарского кагана Иосифа, X в., чув. *šarmāš*, тат. *čirməš* > рус. *черемис*) < тюрк. **čär* 'воевать, сражаться' [ТТЭС 2: 439], который также служил не только этнонимом, но и обозначал определенную социальную группу — население, не подчинявшееся напрямую Волжской Булгарии и Казанскому ханству и не принимавшее ислам, игравшее роль, так сказать, «федератов» этих государств на их северных и северо-западных границах. Именно с этим непокорным населением Российскому государству пришлось вести во второй половине XVI в., после взятия Казани, *черемисские войны*. Возможно, сходство семантики иранского и тюркского названий марийцев просто отражает специфическую роль предков марийцев в военно-политической истории Поволжья на протяжении полутора тысяч лет, но нельзя исключать и возможности того, что тюрк. **čermiš* является калькой иран. **marya-*; во всяком случае, такой параллелизм трудно считать случайным.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

ав.	авестийский	ПВостК	правосточно-кавказский
алан.	аланский		(нахско-дагестанский)
ар.	арийский (индо-иранский)	ПИЕ	праиндоевропейский
арч.	арчинский	Псам	прасамодийский
бацб.	бацбийский	ПУ	прауральский
г.	марийский горный	ПУг	праугорский
др.-перс.	древнеперсидский	ПФУ	прафинно-угорский
индоар.	(пра)индоарийский	сван.	сванский
кет.	кетский	согд.	согдийский
нен.	ненецкий	ср.-перс.	среднеперсидский
л.	марийский луговой	таб.	табасаранский
ман.	мансийский	урарт.	урартский
мар.-мер.	(пра)марийско-мерянский	хант.	хантыйский
митан.-ар.	митаннийский арийский	хурр.	хурритский
нахск.	(пра)нахский	эн.	энецкий
нган.	нганасанский	ягноб.	ягнобский

Источники

- Кетский язык // Википедия : [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кетский_язык (дата обращения: 22.12.2023).
- PВ — Ригведа : в 3 т. / пер., коммент. Т. Я. Елизаренковой. Т. 1 : Мандалы I–IV ; Т. 2 : Мандалы V–VIII ; Т. 3 : Мандалы IX–X. М. : Наука, 1989–1999.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Имп. АН, 1893–1912.
- СКавЯ — Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М. : Вост. лит., 2003.
- Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg : Verl. von Karl J. Trübner, 1904.
- EnzW — Katzschmann M., Pusztay J. Jenissei-samojedisches (enzisches) Wörterverzeichnis. Hamburg : Helmut Buske Verl., 1978. (Fenno-Ugrica ; 5).
- HethitW — Friedrich J. Kurzgefaßtes hethitisches Wörterbuch. Kurzgefaßte kritische Sammlung der Deutungen hethitische Wörter. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1990.
- JuSamW — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1956. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XIII).
- Ket — Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakischen aufgezeichnet von Kai Donner / Hrsg. von A. J. Joki. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1955. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 108).
- NganW — Kortt I. R., Simčenko Ju. B. Wörterverzeichnis der Nganasanischen Sprache. Т. 1 : Nganasan-Deutsch-Russisches Glossar. Berlin : Systemata mundi, 1985.
- SölkW — Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo / Hrsg. von J. Alatalo. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2004. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XXX).
- TscherW — Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 2008. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae ; XXXII).

Исследования

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. ; Л. : АН СССР, 1949.
- Белых С. К., Напольских В. В. Этноним *удмурт*: исчерпаны ли альтернативы? // *Linguistica Uralica*. 1994. Т. 30, № 4. С. 278–288.
- Витчак К. Т. Скифский язык: опыт описания // *Вопросы языкознания*. 1992. № 5. С. 50–59.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1984.
- Дьяконов И. М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // *Древний Восток. Этнокультурные связи* / ред. Г. М. Бонгард-Левин. М. : Наука, 1988. С. 164–207.
- Иванчик А. И. К вопросу о скифском языке // *Вестник древней истории*. 2009. № 2. С. 62–88.
- ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка : в 5 т. М. ; Л. : Наука, 1958–1995.
- Куланда С. В. Уроки скифского // *Вопросы языкового родства*. 2011. № 5. С. 48–68.
- Напольских В. В. Очерки по этнической истории. 2-е изд. Казань : Ин-т археологии АН РТ, 2018a.
- Напольских В. В. Этнолингвистическая ситуация в лесной зоне Восточной Европы в первые века нашей эры и данные «Гетики» Иордана // *Вопросы ономастики*. 2018б. Т. 15, № 1. С. 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001

- Напольских В. В., Савельев А. В. *Мари, меря, мурома* — история этнонимов и реконструкция языков субстратной топонимии // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 3. С. 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- ТТЭС — Эхмэтьянов Р. Г. Татар теленен этимологик сүзлеге. Т. 1–2. Казан : Мәгариф-вакыт, 2015.
- Хайду П. Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского. М. : Прогресс, 1985.
- Хелимский Е. А. *Schöselgub* у Г. Ф. Миллера и самоназвание селькупов // Г. Ф. Миллер и изучение уральских народов (материалы круглого стола) / Hrsg. von E. Helinski. Hamburg : Univ. Hamburg, 2005. S. 41–46.
- Штакельберг Р. Р. Ирано-финские лексикальные отношения // Древности восточные. Труды Восточной комиссии Императорского Московского археологического общества. Вып. 1 (3). М. : Имп. АН, 1893.
- ЭСИРЯ — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М. : Вост. лит., 2000–. Т. 1–.
- Abbas M. R. The Maryannu in the Western Desert during the Ramesside Period // Abgadiyat. 2013. No. 8. P. 127–132.
- Holopainen S. Indo-Iranian borrowings in Uralic: Critical overview of sound substitutions and distribution criterion : doctoral dissertation / Univ. of Helsinki. Helsinki, 2019.
- Jacobsohn H. Arier und Ugrofinnen. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1922.
- Joki A. J. Uralier und Indogermanen. Helsinki : Société Finno-Ougrienne, 1973. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne ; 151).
- Katz H. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen / Hrsg. von P. Widmer, A. Widmer und G. Klumpp. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 2003.
- KEWAI — Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. 1–4. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1956–1980.
- Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / Bearb. von E. Seebold. 24. Aufl. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2002.
- Mayrhofer M. Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1966.
- Munkácsi B. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Budapest : Magyar Tudományos Akadémia, 1901.
- NCED — Nikolayev S. L., Starostin S. A. A North-Caucasian etymological dictionary. Moscow : Asterisk Publishers, 1994.
- O'Callaghan R. T. New light on the maryannu as chariot warrior // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1951. N. 1. S. 309–324.
- Rédei K. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1986.
- SamW — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki : Helsingin yliopisto, 1977. (Castrenianumin toimitteita ; 17).
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest : Akadémiai kiadó, 1986–1991.
- Wilhelm G. Marijannu // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin ; München : Bayerische Akademie der Wissenschaften, 2019. URL: <https://publikationen.badw.de/de/rla> (date of access: 22.12.2023).

References

- Abaev, V. I. (1949). *Osetinskii iazyk i fol'klor* [Ossetian Language and Folklore]. Moscow; Leningrad: AN SSSR.
- Abaev, V. I. (1958–1995). *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo iazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language] (Vols. 1–5). Moscow; Leningrad: Nauka.

- Abbas, M. R. (2013). The Maryannu in the Western Desert during the Ramesside Period. *Abgadiyat*, 8, 127–132.
- Belykh, S. K., & Napolskikh, V. V. (1994). Etnonim *udmurt*: ischerpany li al'ternativy? [Ethnonym *Udmurt*: Have Alternatives Been Exhausted?]. *Linguistica Uralica*, 30(4), 278–288.
- Dyakonov, I. M., & Starostin, S. A. (1988). Khurrito-urartskie i vostochnokavkazskie iazyki [Hurrito-Urartian and East Caucasian Languages]. In G. M. Bongard-Levin (Ed.), *Drevnii Vostok. Etnokul'turnye svyazi* [Ancient Orient: Ethnocultural Ties] (pp. 164–207). Moscow: Nauka.
- Ekhmetyanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etimologik s'uzlege* [Etymological Dictionary of the Tatar Language] (Vols. 1–2). Kazan: Megarif-vakyt. (In Tatar)
- Gamkrelidze, T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropeiskii iazyk i indoevropeitsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury* [Indo-European Language and Indo-Europeans. Reconstruction and Historical-Typological Analysis of the Proto-language and Proto-culture] (Vols. 1–2). Tbilisi: Tbilisi University Press.
- Hajdú, P. (1985). *Ural'skie iazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples]. Moscow: Progress.
- Helimski, E. A. (2005). *Schöselgub* u G. F. Millera i samonazvanie sel'kupov [*Schöselgub* in G. F. Miller and the Self-name of the Selkups]. In E. Helimski (Ed.), *G. F. Miller i izuchenie ural'skikh narodov (materialy kruglogo stola)* [Gerhard Friedrich Miller and the Study of the Ural Peoples (Round Table Materials)] (pp. 41–46). Hamburg: Universität Hamburg.
- Holopainen, S. (2019). *Indo-Iranian Borrowings in Uralic: Critical Overview of Sound Substitutions and Distribution Criterion* (Doctoral dissertation). Helsinki: University of Helsinki.
- Ivanchik, A. I. (2009). K voprosu o skifskom iazyke [On the Problem of the Scythian Language]. *Vestnik drevnei istorii*, 2, 62–88.
- Jacobsohn, H. (1922). *Arier und Ugrofinnen*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht.
- Janhunen, J. (1977). *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. Helsinki: Helsingin yliopisto.
- Joki, A. J. (1973). *Uralier und Indogermanen*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne.
- Katz, H. (2003). *Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Kluge, F. (2002). *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* (24th ed.). Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Kullanda, S. V. (2011). Uroki skifskogo [Lessons in Scythian]. *Voprosy iazykovogo rodstva*, 5, 48–68.
- Mayhofer, M. (1956–1980). *Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen* (Vols. 1–4). Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Mayrhofer, M. (1966). *Die Indo-Arier im alten Vorderasien*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz.
- Munkácsi, B. (1901). *Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia.
- Napolskikh, V. V. (2018a). Etnolingvističeskaja situatsiia v lesnoi zone Vostochnoi Evropy v pervye veka nashei ery i dannye “Getiki” Iordana [Ethno-Linguistic Situation in the Forest Zone of Eastern Europe in the First Centuries AD and the Data of Jordanes’ *Getica*]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 7–29. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.001
- Napolskikh, V. V. (2018b). *Očerki po etničeskoi istorii* [Essays on Ethnic History] (2nd ed.). Kazan: In-t arkhologii AN RT.
- Napolskikh, V. V., & Savelyev, A. V. (2023). *Mari, meria, muroma — istoriia etnonimov i rekonstruktsiia iazykov substratnoi toponimii* [*Mari, Merya, Muroma — History of the Ethnonyms and Reconstruction of the Substrate Toponymy Languages*]. *Voprosy onomastiki*, 20(3), 9–30. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.3.029
- Nikolayev, S. L., & Starostin, S. A. (1994). *A North-Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk Publishers.

- O'Callaghan, R. T. (1951). New Light on the Maryannu as Chariot Warrior. *Jahrbuch für kleinasiatische Forschung*, 1, 309–324.
- Rastorgueva, V. S., & Edelman, D. I. (2000–). *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Iranian Languages] (Vols. 1–). Moscow: Vostochnaia literatura.
- Rédei, K. (1986). *Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai kiadó.
- Shtakelberg, R. R. (1893). *Irano-finskie leksikal'nye otnosheniia* [Iranian-Finnish Lexical Relations]. Moscow: Imp. AN.
- Vitchak, K. T. (1992). Skifskii iazyk: opyt opisaniia [Scythian Language: Approaching the Description]. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 50–59.
- Wilhelm, G. (2019). Marijannu. In *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie*. Berlin; München: Bayerische Akademie der Wissenschaften. Retrieved from <https://publikationen.badw.de/de/rla>